

Глава 1. Детство

— 2-8, 2-5-6.

— 2-8, 2-5-7, 2-8, 2-9, 3-1.

— 3-8, 3-5-6, 3-8, 3-5-7, 3-8, 3-9, 4-1...

В старом, вечно шумном переулке звонко разносились детские считалочки и смех. Четырехлетний Су Мо одной рукой крепко держался за ладонь матери, а другой указывал на девчонок, прыгающих через резиночку.

— Мама, я тоже хочу поиграть.

Су Моли посмотрела в его круглые, блестящие глаза и улыбнулась:

— Это игра для девочек, малыш.

С этими словами она завела сына в придорожную лавку.

— Сяо Цинь, мне коробок спичек.

— Сейчас сделаю, сестра Су.

Су Моли перевела взгляд на коробку с конфетами на прилавке.

— Новые завезли? Почем они?

— По фэню за штуку. Сливочные. Мой сын их просто обожает. Взвесить парочку?

— Давай. Штук десять возьму.

Сяо Цинь подала спички и залюбовалась мальчиком:

— До чего же твой сын хорош собой. А глаза какие черные, точно твои. А старший-то где?

— Ох, не спрашивай про старшего, — рассмеялась Су Моли. — Весь день где-то носится, только неприятности ищет.

— Зато младший послушный, — Сяо Цинь протянула конфету мальчику. — Держи, Сяо Мо.

— Скажи «спасибо тетушке», — Су Моли ласково взъерошила сыну волосы.

Су Мо широко улыбнулся, обнажая ровные зубки.

— Спасибо, тетушка!

Когда они вышли из лавки, Су Моли вдруг спохватилась, что забыла купить соль. Велев сыну подождать у входа, она быстро вернулась в магазин.

Су Мо поднял голову. Тяжелые свинцовые тучи закрыли заходящее солнце — похоже, собирался дождь.

Он развернул обертку и отправил сливочную конфету в рот. Обернувшись, мальчик заметил в глубине переулка Старика в белом. Тот сидел за шахматной доской совсем один и задумчиво переставлял фигуры.

«Пад-а-а-ать», — одна из фигур сорвалась с доски и глухо стукнулась о камни. Старик даже не шелохнулся, продолжая изучать партию.

Су Мо, перебирая маленькими ножками, подошел ближе и поднял фигуру.

— Дедушка, вы уронили.

Старик повернулся к нему. Су Мо удивился: несмотря на копну седых волос, дедушка не выглядел дряхлым. В его взгляде светилась мудрость, а ресницы были белыми, как снег.

— Тебя зовут Су Мо? — с улыбкой спросил он.

Мальчик кивнул, не скрывая любопытства:

— Откуда вы знаете, дедушка?

Старик таинственно усмехнулся:

— Значит, судьба нам встретиться.

Он достал из кармана конфету в изысканной, переливающейся обертке и вложил её в ладонь ребенка.

— Спасибо, что поднял фигуру. Эта конфета — очень дорогая вещь.

— Дедушка, я не могу взять. Мама говорит, нельзя брать ничего у незнакомых.

Старик погладил его по голове:

— Послушный ребенок. Это мой подарок в знак благодарности. Можешь съесть её, а можешь сохранить — это волшебная конфета. Ну, мне пора.

Он поднялся и зашагал прочь. Су Мо хотел что-то сказать, но в этот момент его окликнула мать. Когда же мальчик снова обернулся, старик уже бесследно исчез в серой дымке, заполнившей переулок.

Су Мо посмотрел на яркий фантик и спрятал подарок в карман, после чего побежал к матери.

— Мама, мне сейчас один дедушка дал конфету. Я отказывался, но он настоял.

— Какую еще конфету? Я же говорила: ничего не брать у чужих! А ну, выброси немедленно.

Су Мо захлопал ресницами. Вспомнив чудесную обертку, он не удержался от лжи:

— Я... я уже выбросил.

— Точно? — Су Моли была красавицей, и когда она подняла бровь, в её взгляде появилось лукавство.

— Угу, — Су Мо решительно кивнул.

Любопытство — сильная штука, особенно в четыре года. Конфета не давала ему покоя, но из-за обмана мальчик всю дорогу до дома краснел. Он чувствовал, что поступил дурно.

Чанъюань был крошечным северным городком. В 1985 году его улицы и дома казались серыми и ветхими; многие семьи все еще ютились в старых двориках-сихэюанях.

Семья Су жила в заводском жилом комплексе. Это были обычные многоэтажки, стены которых были сплошь раскрашены детворой. Их квартира на третьем этаже была обставлена просто, но в ней всегда царил уют.

Забежав домой, Су Мо первым делом спрятал конфету в своей комнатке. Затем, взобравшись на табуретку, он приник к окну. Небо за окном потемнело еще сильнее, слышались глухие раскаты грома.

— Что за лето такое, одни дожди, — ворчала Су Моли в соседней комнате, гремя посудой. — Посмотри на своего старшего брата — до сих пор не явился. Опять где-то носится.

В этот момент Су Мо увидел, как отец тащит брата за шиворот. Су Цзинь, весь в пыли и с ивовым прутом в руке, выглядел жалко. В шесть лет он был для отца не тяжелее цыпленка.

— Мама, папа с братом вернулись!

Су Моли мельком взглянула в окно и нахмурилась:

— Ну и паршивец, опять небось натворил чего.

Спустя минуту дверь распахнулась. Су Вэньгэ затолкнул сына в прихожую:

— Полюбуйся на него! Нашел его в разгаре драки. Тот малец его уже на лопатки положил и дубасил, не подоспей я — не знаю, чем бы всё кончилось.

— Я тоже этому Хань Дуну пару раз врезал! — огрызнулся Су Цзинь, отряхивая пыль. — Если бы ты не вмешался, я бы ему все зубы выбил!

— Ты еще и споришь, драчун несчастный! — Су Моли мгновенно оказалась рядом и схватила сына за ухо.

— Мама, мама! Больно, больно, больно!

— И поделом! — отрезала мать. — Только и знаешь, что кулаками махать, лучше бы за учебники взялся. Посмотри на младшего брата: на два года младше, а какой послушный!

Заметив, как Су Мо хихикает в дверях, Су Цзинь фыркнул:

— Еще чего, на него я смотреть не буду.

— А на кого еще? Твой брат уже таблицу умножения знает, а ты? — вставил отец.

— И я знаю! — Су Цзинь вырвался из рук матери, выпрямился и с важным видом начал: — Один на один — один, один на два — два...

До двойки всё шло гладко, но стоило ему дойти до «дважды восемь», как он тут же выдал:

— 2-8, 2-5-6, 2-8, 2-5-7...

— Я тебе дам «два-пять-семь»! — мать замахнулась, чтобы отвесить ему подзатыльник, но Су Цзинь юркнул в спальню, вопя на бегу:

— Девчонки во дворе каждый день так считают! Что я неправильно сказал?

Заскочив в комнату, он толкнул Су Мо и захлопнул дверь на замок. Су Моли еще повозмущалась в коридоре, пока муж не увел её на кухню.

Су Мо тихонько улыбнулся:

— Это считалочка. А дважды восемь будет шестнадцать.

— Хм, выискался тут умник, — Су Цзинь запрыгнул на кровать, испачкав покрывало пыльной одеждой.

Су Мо взял со стола метелку из перьев и принялся старательно сметать грязь. Из-за маленького роста движения его были робкими и легкими.

Брат посмотрел на него с нескрываемым раздражением:

— Чистюля нашелся. Лишь бы подлизаться.

Дети бесхитростны, их чувства всегда на виду. Су Цзинь просто завидовал младшему брату. Тот был красивее, сообразительнее и получал куда больше родительской ласки. Даже соседи всегда улыбались этому милому, послушному ребенку, обделяя вниманием старшего.

Су Мо стало грустно. Он замер у края кровати, выпятив нижнюю губу:

— Брат, почему ты всегда ругаешься? Почему не улыбаешься мне?

— Потому что смотреть на тебя противно! — Су Цзинь понимал, что младший действительно талантлив: еще в школу не пошел, а знает больше него. Но эта мысль лишь злила. Ему казалось, что брат украл у него всю любовь родителей.

Су Мо надулся и понуро вышел из комнаты. Су Цзинь проводил его хмурым взглядом:

— Проваливай, ябеда. Наверняка побежал жаловаться.

— Сяо Мо, что случилось? — спросила мать, заметив его поникший вид.

Мальчик покосился на дверь спальни:

— Мама, почему брат меня не любит?

— Опять он за своё? Ты не слушай его. Брат тебя любит, просто вредничает.

— Но он никогда мне не улыбается.

— Он просто... не очень разговорчивый.

Су Моли и сама переживала. С самого рождения младшего Су Цзинь ни разу не проявил к нему нежности, не говоря уже о совместных играх. Она надеялась, что со временем они подружатся, но старший продолжал отталкивать брата, хотя со сверстниками во дворе всегда был весел и задирист.

К пяти часам вечера небо окончательно потемнело, пошел мелкий затяжной дождь. Пока Су Цзинь спал, Су Мо, забравшись на табуретку у окна, долго наблюдал за мокрым асфальтом.

— Ты чего там застыл? — спросил проснувшийся брат недовольным голосом.

— Смотри, какой сильный дождь, — отозвался Су Мо. — Брат, а почему небо плачет?

— Дурак ты. Небо не плачет, просто дождь идет. Хватит задавать глупые вопросы, — Су Цзинь спрыгнул с кровати и уселся за деревянный стол листать комиксы.

Су Мо подошел к нему и заглянул в книгу:

— Брат, расскажешь, о чем там?

— Да отвяжись ты! — Су Цзинь потерял терпение и грубо толкнул его.

Удар оказался неожиданно сильным — маленький Су Мо не удержался на ногах и повалился на пол.

На глазах мальчика выступили слезы. Он обиженно посмотрел на брата, поджав губы. Су Цзинь, не ожидавший, что так получится, почесал затылок и пригрозил пальцем:

— Только попробуй пискнуть родителям — ночью на кровать не пушу.

Это была не первая угроза, которую Су Мо слышал от брата. Он молча отряхнул штанишки,

забрался на кровать и лег, уткнувшись носом в подушку. Он не понимал, почему самый близкий человек так его ненавидит.

— Ужин готов! Выходите! — позвала мать.

— Только вякни там чего-нибудь, — буркнул Су Цзинь, стараясь выглядеть грозно.

Мальчик спустился с кровати и вытер глаза, чтобы никто не заметил слез.

Супруги Су были простыми рабочими, их общий доход едва превышал семьдесят юаней в месяц. Жили они скромно, стараясь откладывать каждую копейку на образование сыновей. На столе редко бывали деликатесы — лучшие кусочки мяса всегда отдавали детям, а сами ели соленья.

Заметив, что старший сын сметает мясо из тарелки, Су Моли быстро переложила пару кусочков младшему:

— Хватит, Старший. Оставь брату.

— Вечно я должен ему уступать, — пробурчал тот. — Я тоже вообще-то еще ребенок.

Су Мо, набив рот рисом, робко взглянул на брата. Поймав его злой взгляд, он тут же опустил голову.

— Ты разве не слышал в школе притчу «Кун Жун уступает груши»? — спросила мать.

— Так я мясо ем, а не груши, — бросил Су Цзинь.

Отец поперхнулся от неожиданности и поспешно запил еду водой.

— Ну и оболтус.

— С этим каши не сварить, — вздохнула мать, подкладывая Су Мо еще мяса.

Су Цзинь фыркнул и принялся жадно глотать еду, не оставив брату ни кусочка. Су Мо не обиделся — у него был на редкость кроткий нрав. Иногда Су Моли даже пугалась такой покладистости: с таким характером его ведь любой обидит.

Ночью дождь разошелся не на шутку, крупные капли гулко барабанили по стеклу. В комнате было тихо. Убедившись, что брат крепко спит, Су Мо вытащил из-под подушки ту самую конфету.

В неверном свете догорающей свечи обертка таинственно мерцала.

Мальчик осторожно развернул фантик. Конфета оказалась ярко-желтой. Стоило ей коснуться языка, как рот наполнил дивный кисло-сладкий вкус.

Су Мо довольно улыбнулся. Но вдруг конфета мгновенно растаяла, превратившись в жидкость, которая огненным ручейком скользнула в горло. Вкус внезапно стал нестерпимо горьким. Су Мо нахмурился, попытался выплюнуть, но не смог — горло перехватил резкий, лающий кашель.

— Кха-кха-кха!

Су Цзинь проснулся. Он уже хотел было отчитать брата за шум, но увидел, что тот задыхается, согнувшись пополам.

— Эй, ты чего? Что с тобой?

Лицо Су Мо стало пунцовым от кашля. Су Цзинь вскочил, налил воды и протянул стакан брату. Тот сидел на кровати, и по его щекам градом катились слезы.

Он смотрел с таким первобытным ужасом, что сердце Су Цзиня сжалось.

— Да что ты плачешь? Пей давай!

— М-м... — Су Мо попытался позвать брата, но из горла вырвалось лишь невнятное мычание.

Голос исчез. Осознав это, мальчик задрожал еще сильнее, слезы хлынули с новой силой.

— Да что с тобой?! — испугался Су Цзинь и бросился звать родителей.

Через мгновение в комнату вбежали отец и мать. Увидев их, Су Мо бросился в объятия Су Моли.

— М-м... м-м!

— Малыш, что случилось? Скажи маме, что с тобой?! — в панике вскрикнула женщина. Су Вэньгэ тоже побледнел.

Су Мо указывал на горло и отчаянно мотал головой. Он смотрел с глубоким отчаянием, и в его глазах стояли слезы. Он до боли в легких пытался вытолкнуть хотя бы слово «мама», но тишина была ответом на его мольбы.

И вдруг, сжимая руку Су Моли, он почувствовал странный толчок. В его сознании, словно вспышка, возникли кадры: вот мать везет его в больницу, а вот она падает на холодный пол в обмороке.

Су Мо не понимал, что происходит. Всепоглощающий страх сковал его разум, и он в руках матери забился в крупной дрожи.

<http://bllate.org/book/17506/1647290>